

Эйдзи и Тама пережили вражду из-за того, что их удерживали в камере на палубе американского эскорт-перевозчика, направлявшегося на Окинаву. Его левое запястье было свободно привязано к трубному креплению.

В противном случае он мог свободно передвигаться по прохладному металлическому баку, чтобы ухаживать за Тамой. Металлический пол был успокаивающим рельефом от сурового и сухого климата острова. Зловоние железа и старой плесени тоже не беспокоило его чувства.

Клетка была ничем по сравнению с теми долгими днями, когда он страдал от тесных спальных клеток крейсера, на котором он путешествовал на Гавайские острова во время своего последнего тура. Чтобы добраться до островов к середине ноября 1941 г., всем пришлось преодолевать северную часть Тихого океана. Быть зажатым между товарищами по команде, которые не купались несколько дней, было совсем не весело.

Он посмеялся над светлыми воспоминаниями о том, как делил спальную камеру со своим сослуживцем Юрием Сакамото и парой новичков из Киото. На его корабле было больше солдат, чем места, так что спальных мест было больше. Его напарник на койке жаловался на постоянную пинг-понг из грязных яиц, которые он выпустил под общим одеялом.

"Гааа! Скажи мне, что ты не ел эти бобовые пайки Такаки!" Юрий был горько проклят, пока вытряхивал их одеяло.

Дьявольское хихиканье Эйдзи на память вызвало боль от раны в животе, заставив его кашлять. Когда он похлопал по груди, он почувствовал жесткую бумагу, которая была у него в кармане. Он вытащил письмо Оно-сэнсэя для жены. Желтое стационарное лицо бумаги конверта было аккуратно сглажено вокруг ее имени, написанного в центре, в то время как его края страдали от большинства потертостей. Он вернул нежно ухаживающее за письмом письмо обратно в нагрудный карман.

Это заставило его вспомнить о письме, которое он доверил Юрию за Хинату, молясь, чтобы мужчина передал его ему.

В его глазах были слёзы, которые он не хотел проливать несколькими тяжёлыми и неровными вздохами. Его воспоминания бродили по женам Хинаты, которые ругали его за то, что он упаковывал свои книги, которые он оставил валяться на полу, или за то, что он перестал кушать еду, так что после этого у него началось несварение желудка.

"Эйдзи-сан! Ты ешь слишком быстро! Ты должен проглотить тридцать раз, прежде чем проглотить". Хината дулся с причудами, чтобы означать конец его ругани. Эйдзи успокаивал свои душки нежным поцелуем, который приводил к дальнейшим прелюдиям и занятиям любовью.

Он становился возбужденным, когда его мысли зарождались в воспоминаниях о его возлюбленной. Его сердце лихорадочно билось, когда его пальцы вспоминали о своих пернатых прикосновениях вдоль девичьей кожи Хинаты и о теплых и приятных покалываниях, которые

он ощущал от поцелуев Хинаты.

"Я скучаю по тебе, Хина-тян. Окамисама, я отдам всё, чтобы снова быть с ним". Эйдзи глубоко вздохнул. "Всё, что угодно".

Его разум еще больше погрузился в блаженные воспоминания о школьной церемонии входа, когда хрустящие лепестки чистого бело-розового цветка вишни лениво дрейфовали по воздуху, взбудоражив его мягкими ветрами. Они падали от взволнованных юношей, бодрящих в первый день новой школьной жизни. Он был втянут в обязанность приветствовать этих новичков в школьном зале на церемонии.

"Оно-сенсей. Разве президент класса Сато не лучше подошел бы для этой работы? Я, скорее всего, проткну детей своими тяжелыми руками." Он стонал и скулил своему домашнему учителю с надеждой выбраться из этого.

Оно-сенсей ответил смехом и доброй уверенностью, что он идеально подходит для этой работы, запечатывая сделку похлопыванием по спине.

"Идеальная моя задница". Эйдзи подумал, когда сидел за длинным столом, набитым морскими лентами, чтобы прикрепить к куртке новичка.

Черный пиджак за черным он прижал вещи своими неуклюжими пальцами, чуть не проткнув грудь каким-то бедным детям. Хината был в конце очереди. К тому времени его терпение и сила иссякли под полуденным солнцем. Его пальцы соскользнули, когда он прикрепил ленту к куртке Хинаты, случайно проткнув грудь.

"Упс". Это были единственные слова, которые он сказал ему в то время.

Хината украл его сердце, когда он держал обе руки и слегка массировал их.

"Твои руки, должно быть, устали от Сэнпая". Слова Хинаты и массаж успокоили его боль. "Я в порядке. Надеюсь, твоим рукам стало лучше".

Сердце Эйдзи промчалось миллион миль, когда он встретил нежные светло-карие глаза Хинаты, теплую улыбку и лик, более прекрасный, чем любая другая девушка, которую он когда-либо видел. Когда Хината продвинулся вперёд и увидел всю длину своего тощего тела в черной форме без воротника, его сердце упало с осознанием того, что его первая любовь - это парень.

В течение первых нескольких недель учебного года он проводил много времени, отталкиваясь от увлечения, и говорил себе, что переживает странную фазу полового созревания. Особенно, когда он редко видел Хинату в окрестностях. Как он мог влюбиться в парня? Это вообще было позволено?

Проблемы с любовью охватили его, когда Хината вступил в школьный клуб стрельбы из лука. Он был полон решимости скрыть свои чувства и быть равнодушным старшекласником. Было трудно, когда Хината был искренним и жизнерадостным парнем. Между ними была хорошая химия. Его неурядицы, вызванные любовью, повлияли на его спортивные достижения, в результате чего он сделал много неуклюжих трюков и выстрелов из мишени. Не способный отрицать правду о своих чувствах, он признался в своей любви. Это вернуло его спортивные достижения в прошлое, чтобы обеспечить вторую национальную победу для его школы. Вскоре после этого Хината поставил его на удар, признавшись в любви к нему.

Взволнованные крики Тама вытащили его из ностальгии. Он улыбнулся ее игривости вокруг их маленького пространства. Она бегала по трубам, проложенным по стенам. Эйдзи увидела, что по комнате проходили мыши из трещин в трубах. У котенка был полевой день.

"Тама, пожалуйста, скажи, что ты не некомата". Эйдзи наполовину пошутил.

Он не был верующим в сказки старых жен и местные мифы, но то, что кошка была с ним в камере, делало его верующим. Особенно, когда она отправилась в морское путешествие по пересеченной местности, как моряк-жесткий моряк.

Тайн оставил ему достаточно обеденного пайка и столовую с водой на три дня для обоих. Эйдзи догадался, что ему понадобится порция мяса на обед, чтобы Тама продержался пять-шесть дней. Он был доволен, чтобы выжить на жвачке. Он позаботился о том, чтобы кошке давали воду в скудном количестве. Это помогло ей также получить корм из живой игры, которую ей предлагали в клетке.

Никто кроме Тайна не посещал камеру. Этот факт заставил его хмуриться. Наверняка враг был бы любопытен и параноиком, что на борту их корабля был военнопленный. В любом случае, он был благодарен за передышку. Плюс, это дало время Тама передвигаться, как котенок.

Он мог дрейфовать и дрейфовать во сне, наслаждаясь видом, как Тама гоняется за хвостом или играет в камеру.

<http://tl.rulate.ru/book/37155/922993>